

Джон Рассел, и вице-король Индии (то есть чиновник по управлению Индией) сэр Джон Лоуренс, бывший губернатор Пенджаба. Старый опытный дипломат, знаток Азии, Лоуренс был уверен, что русским не пройти через Афганистан, их войска постигнет такая же участь, какая постигла англичан. То, что русские смогут убедить афганцев пропустить их, он считал маловероятным. Дост Мухаммед помнил, как дорого ему обошлась сама попытка дружить с Петербургом. Лоуренс полагал, что остановить Россию сможет жесткое политическое давление из Лондона. И угроза русской столице с Балтики. Рассуждал он вполне правильно: реши русские напасть на Индию, отправка британского военного флота к Кронштадту вынудила бы царя предпринять оборонительные меры и оставить Индию в покое. Кстати, такой сценарий и был разыгран в начале 80-х годов 19 века.

Впрочем, по мелочи англичане, разумеется, пытались ущемить русских. В конце 50-х годов в Лондоне родился было проект укрепления позиций на берегах Каспийского моря. Британский консул в Северной Персии писал статс-секретарю по иностранным делам, что поскольку русские создали акционерное общество «Меркурий» и открыли пароходство на Каспии, то и англичанам стоит «любой ценой» взять под английский контроль Решт-Энзелийский порт. Консул полагал, что *«обладая этим орудием, мы легко овладели бы торговлей всей Средней Азии»*¹. Правда, дальше проекта дело не пошло.

А в Центральной Азии именно англичане в 1859–1860 годах финансировали Доста Мухаммеда, когда

---

¹ Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. — М.: РИПОЛ классик, 2004.

тот решил отобрать у Бухары приграничные города и небольшие княжества и бекства Южного Туркестана (вроде Кундузского). Они в итоге так и остались афганскими, например Кунду сегодня — это североафганская провинция. Особый интерес для англичан тогда представляли города Чарджуй и Каракуль. Чарджуй, вероятнее всего, планировалось при случае превратить в военную базу, потому что на переговорах в Бухаре члены афганского посольства объясняли, что город нужен им «для оклада военных и продовольственных припасов»¹, о чем русская разведка рапортовала в Петербург. Также агенты сообщали, что британские власти в Индии отправили в Кабул «свыше двадцати офицеров, много оружия и до 14 орудий»². Так что когда летом 1859 года афганские войска заняли Кундузское ханство, являвшееся вассалом Бухары, это была английская интрига. В русской столице видели это и понимали, чем все закончится, если не предпринять срочных мер. Правда, окончательное решение вызревало долго. Сухозанет писал, например, Гасфорду в 1860 году, что «в отвращение возбуждаемого на Западе мнения о завоевательных намерениях наших в центральной части Азии... в настоящее время признает полезным избегать по возможности наступательных действий на наших сибирских границах»³. Решительно действовать разрешалось только в случае нападения кокандских войск.

Как уже говорилось, активность англичан в Коканде выглядела в какие-то моменты угрожающей. В 1859 году там побывал английский разведчик,

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

индийский мусульманин Абдул Маджид, который встретился с правителем Коканда, собрал важные сведения об экономическом и политическом положении Кокандского ханства и ведущих туда из Индии путях и доставил их в Калькутту. О подготовке ханства к войне сообщал и генерал-губернатор Западной Сибири. Кокандские посланцы, разъезжая по казахским и киргизским селениям, отбирали у кочевников скот и лошадей для армии. И одним из основных пунктов сбора был определен Ташкент. Так что не случайно спустя пять лет Черняев нанес удар именно по нему.

И еще в 1861 году генерал-майор Аполлон Эрнестович Циммерман отправил в столицу военному министру записку «О положении дел на кокандской границе», в которой однозначно призывал не затягивать с нанесением удара Коканду и не опасаться «гнева Англии», потому что и дальше находиться между войной и миром невозможно. Циммерман писал, что *«приобретая преобладающее влияние в Средней Азии, мы тем самым приближаемся к пределам английских владений в Индии и в случае войны с Англией можем угрожать ей с этой стороны, самой для нее чувствительной»*¹.

Но в целом политика Англии в Средней Азии и правда все эти годы была довольно сдержанной. Открытой конфронтации с русскими никто не хотел, более того, Россию побаивались, хотя в удовольствии куснуть русского медведя исподтишка англичане себе не отказывали. Разумеется, стоит понимать, что зачастую действия исполнителей на местах не всегда совпадали с общеполитической линией. То есть

---

¹ Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. — М.: РИПОЛ классик, 2004.

бывшие сотрудники политического департамента Ост-Индской компании с ее ликвидацией, конечно, никуда не делись. И даже став офицерами Картографической службы (она в том числе занималась и разведкой) или перейдя в разведку Британской Индийской армии, свои взгляды они не изменили. И, вероятно, не особо соглашались с политикой *«умелого бездействия»*: мол, бестолковые политики в Лондоне и Калькутте напридумывали себе всяких глупостей, а мы — на всякий случай — полевую работу продолжим. И агентов пошлем, и сведения соберем, и, может, начнем маленькую локальную войну. Большой беды не будет, но русских потревожим.

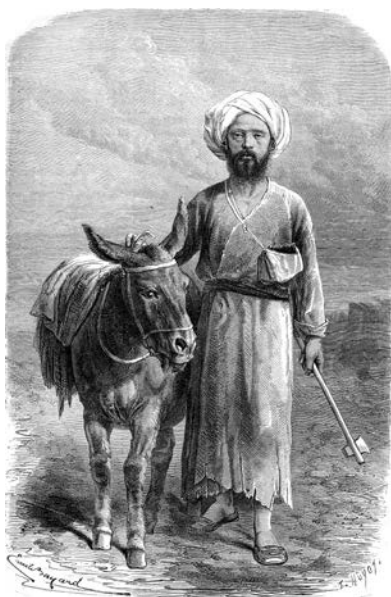
В 1863 году Среднюю Азию посетил венгерский путешественник и востоковед Арминий Вамбери. Он уже упоминался в этой книге, как упоминался и тот факт, что он был британским разведчиком. Причем документы, свидетельствующие об этом, были рассекречены только в 2005 году. Судьба Вамбери как одного из ярких участников Большой Игры стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее. Дата и место его рождения достоверно не известны. В энциклопедиях обычно пишут, что он родился 19 марта 1832 года на Дунае, в селе Дуна-Шердагели. Сам он говорил по-разному, в том числе, что родился в маленьком городке Сен-Георген. Точной даты своего появления на свет он не знал, потому что в то время в Австро-Венгрии было не принято регистрировать рождение детей бедных, тем более в еврейских семьях. Так что дата его рождения — тоже загадка. Он ее зафиксировал по рассказам родных. Вамбери рано лишился отца, в детстве перенес тяжелую болезнь и потом всю жизнь хромал. Несмотря на то что семья была бедная, он получил приличное образование:

сначала в коллегии монашеского католического ордена пиаристов в Сен-Георгене, затем в коллегии бенедиктинских монахов. С детства Вамбери знал венгерский, немецкий, словацкий и еврейский языки. Потом он выучил латынь, французский, английский, испанский, итальянский, датский и шведский. К двадцати годам он осилил еще и русский, древнегреческий, начал заниматься турецким, арабским и персидским языками.

В какой момент талантливый парень попал в поле зрения английской разведки, сказать трудно. Официальная биография гласит, что на Восток его потянула страсть к языкам и приключениям, а дома ему все равно терять было нечего. И вот, дескать, сел романтик Арминий в 1857 году на пароход и направился в Стамбул. Но, скорее всего, это было его первое задание по долгосрочному внедрению, и вряд ли он сошел на берег Босфора без гроша вкармане. Некоторое время он искал работу, декламировал в кофейнях турецкие народные романы. Кофейни, надо сказать, в Османской империи были центрами свободы и вольнодумства. Люди собирались там поболтать, сыграть в шахматы и нарды, обсудить последние политические события в стране. Между прочим, как раз из-за этого кофейни в империи несколько раз закрывались по вердикту султана — за вольнодумные разговоры. Это был своего рода аналог современных соцсетей. Так что Вамбери в кофейнях стал бывать неслучайно. Это, помимо прочего, было идеальное место для встреч с агентурой, для вербовки и для передачи отчетов. Посидели двое мужчин, кофейку выпили, в нарды сыграли, один проиграл и отдал сверток с деньгами. Кто придаст этому значение?

Очень скоро Арминий стал вхож как преподаватель и ученый в дома османских чиновников, аристократии, европейских дипломатов. Именно на основании этого опыта он напишет книгу «Очерки и картины восточных нравов», которая уже цитировалась раньше. Он прожил в Стамбуле четыре года. Преподавал, изучал восточные манускрипты, начал печатать статьи в европейских газетах и журналах, стал издавать научные труды. Его избрали членом-корреспондентом венгерской Академии наук, и вскоре Вамбери решил отправиться в поездку в Среднюю Азию, где хотел изучать *«вопрос о происхождении мадьярского языка»*. Тут, конечно, снова возникает вопрос: сам ли он захотел или его попросили? Скорее, второе. А он как талантливый и увлеченный ученый не отказался посетить загадочные страны.

В конце марта 1863 года Вамбери под именем турка Решид-эфенди выехал из Тегерана в степи Туркмении. Он ехал под видом хаджи, возвращающегося из Мекки, и по дороге присоединился к каравану таких же пилигримов. Вамбери серьезно подошел к выбору одежды: носил войлочную куртку, чалму, потасканные штаны. Он проехал с паломниками почти всю Азию. Через Мазендеран до юго-восточного побережья Каспийского моря. Дальше через Гурген и Атрек, через пустыню Каракумы к Хорезмскому оазису. Он побывал в Хиве, проплыл по Амударье до Кунграда, откуда снова возвратился в Хиву. Затем отправился, рискуя жизнью, через еще одну пустыню, Кызылкум, и добрался до Бухары. Обратный путь в Персию лежал через Карши, Самарканд, Керки, Андхой, Меймене, Герат и Мешхед. В марте 1864 года, спустя год после начала путешествия, он достиг Тегерана, откуда добрался до Стамбула, а затем и до Пешта.

Арминий Вамбери (1832–1913) в costume дервиша

Гравюра из *Le Tour du Monde* (1865)

Morphart Creation, Shutterstock.com

В том же году он опубликовал книгу о своих приключениях — «Путешествие по Средней Азии», которая сразу же стала бестселлером и была переведена почти на все европейские языки. Первый русский перевод этой книги был опубликован в Петербурге в 1865 году. Правда, не все поверили, что Вамбери был в Азии на самом деле. Например, востоковед и военный Михаил Терентьев в упомянутом ранее труде «Россия и Англия в Средней Азии» прямо обвиняет ученого в подлоге и шарлатанстве.

«Надобно, впрочем, напомнить читателю, что Вамбери уже достаточно уличен многими европейскими путешественниками в том, что его путешествие в Среднюю Азию — чистый вымысел.

Мне, лично, удалось проверить в Самарканде две вещи, уличающие Вамбери в том, что он их не видел и, следовательно, в Самарканде не был: во-первых, он уверяет, будто в эмировском дворце роль трона играет большой синий камень, а на самом деле это великолепный монолит чистейшего белого цвета! Вамбери попался впросак, благодаря названию кук-таш, которое перевел: синим камнем, но по-узбекски кук значит также небо и потому вернее было бы выражение «кук-таш» перевести: небесный камень, что и дает разгадку того почтения, с каким туземцы к нему относятся.

Кроме всего этого, на карте, приложенной к путешествию, нарисована между реками Сыром и Зеравшаном какая-то Кизил-Дарья. Всякий мальчик в Самарканде сказал бы Вамбери, что в степи есть «Кизил-кум», т. е. красный песок, и нет ни капли «Кизил-Дарьи», т. е. красной реки. Очевидно, что Вамбери лжет самым бессовестным образом»¹.

Тут справедливости ради стоит заметить, что Терентьев не любил Вамбери как идеологического противника и русофоба, а в книгах Арминия русофобия то и дело ненавязчиво проскакивает. Но все же скорее можно предположить, что Вамбери мог что-то присочинить или умышленно добавить в книгу о путешествии ложную информацию, чтобы скрыть некие важные сведения, понимая, что читать его будут повсюду, в России в том

---

¹ *Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. — СПб.: Тип. П. Меркурьева, 1875.*

числе. Однако в Азии он, несомненно, был и ценные для британской короны сведения получил. Его «Путешествие по Средней Азии» наполнено невероятно интересными деталями о быте, религии, отношениях между народами, географии и нравах. В частности, он описывает русскую военную базу на Каспии.

«Ашура — самая южная точка русских владений в Азии — вот уже 25 лет как перешла окончательно во власть русских, а лучше сказать, с того самого времени, когда их пароходы нагнали страху на туркменских морских разбойников.

Русские держат здесь два больших военных парохода и один маленький, и если бы не эта защита, то не только находящиеся здесь русские суда, но и парусные корабли, направляющиеся из Астрахани, не были бы гарантированы от нападения туркмен. Пока купеческое судно находится в открытом море, ему бояться нечего, но оно очень редко осмеливается приблизиться к берегу без сопровождения парохода, к чьей защите вынуждено прибегать и на обратном пути. Местные власти ревностно и с немалыми издержками стараются, конечно, парализовать разбойничьи поползновения туркмен, и размеры этого бедствия несколько уменьшились, но гарантировать полную безопасность невозможно, и нельзя помешать тому, что многих несчастных персов, а время от времени даже русских матросов, увозят в цепях в Гемюштепе»¹.

И о суровых, часто жестоких нравах, царящих в Азии, Вамбери пишет много и подробно, причем даже по сравнению с Османской империей среднеазиатские

---

¹ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. — СПб.: Тип. П. Меркурьева, 1875.

властители кажутся настоящими тиранами. Он общался с правителями государств, первыми министрами и простыми людьми на улицах, даже с рабами.

«На базарах в Бухаре и Хиве продаются люди в возрасте от трех до шестидесяти лет, если они из-за каких-либо пороков не именуется калеками. Согласно предписаниям религии, только неверных можно продавать в рабство. Однако лицемерная Бухара не считается с этим, и кроме персов-шиитов, которых Молла Шемседдин (в 1500 г.) объявил неверными, в рабство обращают многих суннитских единоверцев, избиениями и пытками вынуждая их выдавать себя за шиитов.

Для самого раба час, который освобождает его из рук торговца, один из самых счастливых, потому что даже самое жестокое обращение, которое ждет его в услужении, не может быть таким гнетущим и мучительным, как время, проведенное им в лавке, где он всего-навсего предмет торговли. Цена меняется в зависимости от политических условий, позволяющих туркменам, единственным поставщикам этого товара, направлять свои аламаны в соседние страны. В то время как сейчас самая высокая цена здорового мужчины была 40–50 тилла (соответствует 13 английским шиллингам), после поражения персов при Мерве, где были взяты в плен сразу 18 тыс. персидских солдат, такого мужчину можно было получить за 3 или 4 тилла»¹.

Несколько раз разведчик был на грани провала. Европейца в нем заподозрили поначалу русские моряки, потом туркмены, потом в Бухаре, где он по-прежнему выдавал себя за турка, к нему подсылали шпионов,

---

¹ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. — М.: Восточная литература, 2003.

пытаясь подловить его на знаниях деталей жизни в Стамбуле. Один раз вышло и вовсе удивительно: он столкнулся с другим разведчиком. Вамбери только не выяснил, на кого тот работает: на англичан, на русских или на кого-то еще.

«Чаще всего этими ищейками были хаджи, которые по многу лет жили в Константинополе и хотели проверить мое знание языка и жизни в этом городе. Долго и терпеливо выслушивая их, я обычно делал вид, что мне это надоело, и просил пощадить меня и не рассказывать о френги. “Я уехал из Константинополя, — говорил я, — чтобы избавиться от этих френги, которые и черта могут лишить разума. И теперь, благодарение Богу, я в благородной Бухаре и не хочу воспоминаниями о них портить себе настроение”. Подобным же образом я отвечал пронырливому мулле Шериф эд-Дину, аксакалу книготорговцев, который показал мне список книг, оставленных у него несколько лет назад русским посланником, а также английские и итальянские бумаги. Я бросил на них презрительный взгляд и сказал: “Хвала Аллаху! Моя память еще не осквернена наукой и книгами френги, как это, к сожалению, часто бывает у константинопольских турок” (Однажды ко мне пришел слуга везира с маленьким тощим человеком; я должен был проверить, действительно ли он араб из Дамаска, как он утверждал. Когда он вошел, я тотчас обратил внимание на черты его лица: я счел его европейцем; мое удивление еще более возросло, когда он начал говорить, и я обнаружил, что произношение у него отнюдь не арабское. Он сказал мне, что предпринял паломничество в Хотан (в Китае) к гробу Джафар бен Садыка и на этих днях хочет продолжить путешествие. На его лице во время нашей беседы можно было заметить

беспокойство. Мне было очень жаль, что я не смогу его увидеть еще раз, так как я был склонен думать, что он играл такую же роль, как и я»¹.

Кстати, упомянутых Вамбери итальянцев в итоге спасли: когда в дело вмешались русские представители, эмир решил их отпустить. Так что напрасно Терентьев так уж сурово обличал путешественника. Но похоже, русский генерал понимал, кто такой Вамбери на самом деле. Да и понятно, что разозлило русского генерала: надменное отношение и к азиатам, и к русским, которых венгерский ученый открыто именовал главными противниками англичан.

«Шахруд — значительный торговый центр между провинциями Мазендеран и Ирак; в Мазендеран, вплоть до самых берегов Каспийского моря, ведет очень романтическая, но и очень плохая дорога. Окрестности богаты водой, особенно красив ручей Руди-шах (Королевский ручей), пресная прозрачная вода в котором со звонким журчанием течет через город. Караван-сараяв несколько, и в одном из них расположена фактория большой русской торговой компании “Кавказ”, которая в последнее время почти вытеснила английскую торговлю в Хорасане благодаря импортной торговле Астрахани и Баку через Астрабад. Да, русские обладают огромным влиянием во всей Азии, от Камчатского залива до Константинополя, и ни для кого это влияние не является таким опасным, как для британского льва, которому русский медведь теперь крепко наступает на пятки, и наступит время, когда он цапнется ему в шкуру своими острыми когтями»².

---

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. — М.: Восточная литература, 2003.

² Там же.

Терентьев не пожалел времени, чтобы в своих трудах вступить с Вамбери в заочную полемику и разоблачить его.

«Описывая свое известное путешествие в Хиву и Бухару, он заканчивает его следующими словами: “Мы должны желать полного успеха русскому оружию в Средней Азии, ради торжества европейской цивилизации и во имя человечества”.

Но Вамбери прежде всего шарлатан и никогда не подорожит высказанным убеждением. Если иностранные газеты, почему-нибудь, воспылают ненавистью к России, — Вамбери первый откажется от прежде сказанных слов и затянет новую песню. Весь вопрос в состоянии газетного рынка: как только с руссолюбием слабо, а с руссофобией твердо — и наш Вамбери тотчас распинается против России, подлаживаясь под общий тон, ради куска хлеба.

В статье его: “Соперничество России и Англии в Средней Азии” встречаются, например, такие прелести: “изучая историю завоеваний России на азиатском материке... мы видим, что всегда и везде вторжению предшествует одна и та же политика интриг и козней, сеяние семян раздора, подкуп, приманка, при помощи самых неблагоприятных средств”»¹.

В другом месте, пишет Терентьев, Вамбери характеризует русских такими словами: *«на всем громадном протяжении, занимаемом русскою азиатскою границей, мы повсюду видим, что русские, и по образованию, и по нравственным качествам, стоят гораздо ниже азиатцев. В русском, как в северном жителе, пожалуй,*

---

¹ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. — СПб.: Тип. П. Меркурьева, 1875.

и больше энергии, чем в чистокровном азиатце, но его неопрятность, его близко подходящая к идолопоклонству религия, его рабский характер, грубое невежество, неотесанные приемы, — все это ставит его гораздо ниже, сравнительно с проникательным азиатцем. Один образованный таджик в Бухаре говорил мне с презрением о необразованности русских»¹.

Удивительная цитата. Она лишний раз показывает, как мало всего изменилось в расстановке сил в мире, как почти не поменялись игроки, как мало изменялись пропагандистские приемы, двойные стандарты и как уж совсем не изменилась основа всей русофобской идеологии: либо польский вариант — русские обычные азиаты, либо вот такой англо-европейский — русские не азиаты этнически, но куда хуже них в своем поведении. Это такой особый формат протестантской морали, где люди делятся по сортам. Высший сорт, понятное дело, — европейцы с американцами, потом средненькие — это Восточная Европа, потом низший сорт — азиаты и негры. И дальше русские. Практически inferнальные существа. Очевидно, что Вамбери очень четко расставляет акценты: европейцы, несомненно, выше всяких там азиатов, не то чтобы по развитию, а в принципе. Они другие люди. Более высокого порядка. В сегодняшней мировой политике это нашло выражение даже в терминологии. Страны третьего мира. Никогда не задумывались, как это звучит? Почему не третьего сорта? Было бы честнее.

Конечно, в Лондоне могли и не соглашаться с русской экспансией, могли возмущаться, но при этом все же понимали — процесс остановить невозможно. Русские пойдут дальше. Причин тому было несколько.

---

¹ Там же.

Прежде всего Петербург опасался, что Азия может оказаться под контролем англичан, и опасения эти были, как следует из документов, вполне обоснованными. Иметь военные базы англичан у себя под боком русские генералы и политики, конечно, не желали. После потери Черноморского флота Россия нуждалась в новом инструменте, новом способе давления на Англию, и это могла быть только угроза Индии. И не стоит заблуждаться, что у Российской империи были в Азии цели исключительно гуманитарные, вроде освобождения рабов и пресечения набегов, и геополитические.

Была в этой экспансии и совершенно прагматическая цель. Петербург хотел единолично контролировать азиатские рынки, и богатые ресурсами районы давно рассматривались русскими промышленниками как объект экспансии. Возможность выращивать в регионе хлопок обсуждалась в русской печати давно, и строились предположения, что в случае установления контроля над регионом выращенный там хлопок станет альтернативой американскому. Какое-то время бытовало мнение, что русские товары азиатским государствам нужнее, чем азиатские товары России. В 1858 году была опубликована небольшая «Краткая записка о невыгодном для России положении торговли ее с Средней Азией», автором которой, по всей видимости, был председатель Оренбургской пограничной комиссии Василий Васильевич Григорьев, выдающийся востоковед, ученый, некоторое время занимавший должность главного цензора России. И вот как глава ОПК Григорьев писал, что Средняя Азия больше нуждается в русских товарах, чем Россия в среднеазиатском хлопке и сухофруктах:

«Все означенные товары среднеазиатцы не могут сбывать с выгодой никуда, кроме России: ни в Персию, ни в Афганистан, ни в Индию, ни в Китайский Туркестан товары эти не требуются, ибо страны эти производят их в изобилии. Наоборот, от нас среднеазиатцы вывозят преимущественно такого рода товары, которых по ценам, за какие эти товары приобретаются в России, не могут они получать ниоткуда в мире и которые составляют при этом насущную потребность в Средней Азии. Таковы металлы: железо, медь, чугун и изделия из них; товар кожевенный и деревянный. Без наших произведений среднеазиатцу не в чем будет варить себе пищу, не во что ноги обуть; сверх всего, сбытом нам хлопка своего и фруктов приобретают они и наличные деньги, на которые покупают потом от персиан и афганцев то немногое, что пригодно им из произведений британской промышленности»¹.

Но со временем все изменилось. Дело в том, что, как уже упоминалось, именно текстильная промышленность была в России наиболее развита. Не металлургия, не кораблестроение. Текстиль. В 1850 году в империи было произведено бумагопрядильной продукции на 16 миллионов рублей, красильной и отделочной — также на 16 миллионов, бумаготкацкой — на 13 миллионов. К 1860 году цифры выросли так: бумагопрядильной продукции произвели на 28,7 миллиона, красильной — на 23,1 миллиона, бумаготкацкой — на 19,3 миллиона рублей.

И понятно, что ежегодно в страну импортировались тысячи пудов хлопка: в 1841–1845 го-

---

¹ *Залесов Н. Г.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. — СПб.: Государственная типография, 1897.

дах — 527 тысяч, в 1846–1850 годах — примерно по 1115 тысяч, то есть более миллиона пудов, в 1851–1856 годах (годы Крымской войны) — полтора миллиона пудов, а в 1856–1860 годах — 2421 тысяча пудов.

Однако с началом Гражданской войны в США импорт хлопка в Россию тут же упал до 1116 тысяч пудов. И вот тогда вопрос о среднеазиатском хлопке встал особенно остро. Его ввоз увеличился втрое, цена на азиатский хлопок на ярмарке в Нижнем Новгороде поднялась с 4-5 рублей за пуд сначала до 7,5 рублей, а к 1864 году достигла 24 рублей. Средняя Азия стала рассматриваться как источник важного промышленного сырья. Финансовое и промышленное лобби давило на власть: нам нужна Азия. В министерства финансов и иностранных дел постоянно подавали петиции и докладные записки с ходатайствами о *«создании в Средней Азии благоприятных условий для деятельности русского купечества»*.

Русские газеты и журналы принялись писать статьи под названиями «О бухарском хлопке и возможности разведения хлопчатника на Сырдарье», «Бухарцы и хлопок», журнал «Вестник промышленности» в редакционном «Обзрении промышленности и торговли России» писал, что, с одной стороны, Гражданская война в США дает русской промышленности новые возможности на зарубежных рынках, с другой — нехватка сырья для ткацких фабрик может затормозить рост экономики страны. Автор статьи считал, что теперь в России *«побольше подумают о хлопке в тех странах Азии, которые у нас под рукой»*. В статье «Заметки о Бухаре и ее торговле с Россией» в журнале «Современник» анонимный автор сообщал, что *«сбор и вывоз хлопка поглотил в Бухаре всю ее прежнюю производительность, заменил почти весь ее вывозной*

товар: канаус, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты». Автор писал, что правительству стоит быстрее перенести Оренбургскую линию «на границу государства — на Сырдарью». В самой Бухаре на торговле с Россией местная аристократия делала целые состояния. Первоначально отпускная цена на хлопок была полтора рубля. По мере возникновения дефицита она росла, и российские промышленники и фабриканты логично, с точки зрения бизнеса, рассуждали: зачем платить кому-то за хлопок, когда его можно выращивать самим в этом же регионе. Кроме того, в Бухарском эмирате не было никакой промышленности, чтобы хлопок этот обрабатывать.

«Из земледельческих продуктов, богатство и гордость Бухары составляет хлопок. Бухарский хлопок, бесспорно, лучше коканского и ташкентского и предпочитается хивинскому по нежности и белизне своего волокна, хотя и уступает последнему в длине волокна. Количество возделываемого хлопка в Бухаре возрастает год от году, по мере увеличения вывоза его в Россию.

Относительно мануфактурной производительности Бухары следует сказать, что она находится в первобытном состоянии, хотя и в несколько лучшем, чем в соседних независимых ханствах. Промышленность бухарская не могла развиваться вследствие недостатка технических знаний, которые заторможены законом, считающим всякое знание “вне корана” греховным. Вот почему Бухара, равно как Хива и Кокан, издавна, в промышленном отношении, зависели от России»¹.

---

¹ Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. С маршрутом от Ташкента до Бухары. — СПб.: Изд. Бортневский, 1871.

Но была и еще одна причина, почему русская экспансия в Азию продолжалась и усиливалась. И она не поддается каким-либо логическим объяснениям вроде экономики или противостояния с Англией. Проблема была в том, что, начав движение в регион, русские власти просто не имели возможности его остановить. Любое отступление было бы воспринято региональными лидерами — ханами, эмирами, беками, вождями — как слабость России. Любая остановка тоже. Покорив Ташкент, русские не могли не пойти дальше. Этот город с начала 19 века несколько раз переходил от Коканда к Бухаре, каждый раз с кровью, зачисткой местных элит, грабежами и насилием. И в Коканде, и в Бухаре этот город считали своим. Именно поэтому русские права на Ташкент пришлось отстаивать силой оружия. А дальше одни события и действия вызывали к жизни другие. Ташкент наш? Отлично. Но бухарский эмир думает, как его вернуть, и собирает армию. Армию разбили? Но эмир ведет переговоры с англичанами, а кокандский хан тоже готовит вторжение. Русским властям приходилось импровизировать, поступать по обстоятельствам, и это лишний раз доказывает, что никакого четкого, разработанного плана действий в Азии ни у политического, ни у военного руководства России не было. Работал наполеоновский девиз *«война план покажет»*. В отличие от британцев, русский кабинет министров и царь действовали совершенно бессистемно. И, по сути, вся политика Российской империи в регионе, ответственность за нее легли на плечи одного человека — генерала Кауфмана.